

ПРОБЛЕМА «РИМ И ВАРВАРЫ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АНТИЧНОСТИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ*

Взаимоотношения римского мира и варварского привлекают в последнее время все большее внимание историков самых различных направлений. С одной стороны, это связано с умножающимся археологическим и эпиграфическим материалом, открывающим новые черты в отношениях римлян и варваров, с другой, — с самим подходом к изучению проблемы «Рим и варвары».

Исследования советских историков последних десятилетий отличает стремление рассматривать всю проблему в целом как проблему многосторонних контактов двух различных социально-экономических структур: римского рабовладельческого общества и варварского мира — первобытнообщинных отношений, в условиях которых жило большинство окружающих империю народов. Остановлюсь на некоторых аспектах изучения проблемы «Рим и варвары» в советской исторической науке, имея в виду, главным образом, монографические исследования и наиболее существенные, на мой взгляд, положения этих работ. Это прежде всего историческая роль варваров в падении Западной Римской империи, конкретные отношения римлян и варваров, которые раскрываются в истории провинций, в связи с чем рассматривается и проблема континуитета, войны римлян и варваров на Дунае, варварская периферия как источник пополнения числа рабов в Риме; некоторые вопросы истории лимеса¹.

В выяснении причин падения Западной Римской империи советские историки исходят из того, что ее гибель явилась результатом взаимодействия двух факторов: внутреннего — изменений, происходивших в социальной структуре позднеимперского общества, и внешнего — вторжений варваров и последствий оседания их на римских землях. Согласно одной из точек зрения большее значение имели внутренние факторы. При этом решение проблемы видят прежде всего в изучении социальной структуры позднеимперского общества, что вовсе не исключает признания роли варваров в разрушении военной и политической системы римского государства и в сложении раннефеодальных отношений в завоеванных римских провинциях. По мнению этих ученых, уже в период Поздней Римской империи стали возникать элементы социальной структуры дофеодального периода, а именно: укрепление крупного землевладения, мало или почти не связанного с городами, возрождение общинного уклада в провинциях со значительным сельским населением (иллирийским, кельтским и фракийским)². Согласно этой точке зрения, там, где преобладало это местное сельское население, община никогда не исчезала, а общинный уклад пре-

* Расширенный текст доклада, прочитанного на Международном симпозиуме по проблеме «Римляне и варвары в Среднем Подунавье во II—III вв.» (Чехословакия, Новые Возокапы, 24—28 сентября 1979 г.).

¹ К проблеме варваров и их роли в позднеимперской истории самое непосредственное отношение имеет черняховская культура, исследования о которой в советской исторической науке чрезвычайно многочисленны, как и сами памятники, насчитывающие сотни могильников и поселений. Некоторым проблемам черняховской культуры был посвящен на этом симпозиуме доклад В. В. Кропоткина «Черняховская культура и Северное Причерноморье».

² Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957; она же, Древний Рим: Проблемы экономического развития, М., 1978; она же, Община в западных провинциях Римской империи, «Клио», т. 38, 1960, стр. 207 слл.; она же, Еще раз к вопросу о римской сельской общине, ВДИ, 1978, № 2, стр. 89 слл.; она же, Римская собственность на землю, ВДИ, 1974, № 3, стр. 65 слл.

пятствовал развитию классических рабовладельческих отношений; община стала одним из источников формирования элементов отношений феодальных.

Эти элементы феодальных отношений возникали вследствие разложения общины в случае выделения из нее слоя посессоров, в результате разраставшей зависимости общин от земельных магнатов и по мере того, как за счет сокращения земельного фонда общин росло землевладение городов. В то же время придерживающиеся этого мнения исследователи отмечают также, что развитие тех провинций, где было значительным местное сельское население и где общинные формы хозяйства сосуществовали с римским рабством, не было однозначным и прямолинейным. Здесь постоянно имел место также синтез доримских и римских структур. Этот синтез очевиден во всех сферах провинциальной жизни и начался он сразу же после римского завоевания. Тем не менее община оставалась характерной особенностью социально-экономической структуры западных провинций и она возрождалась в результате внутренних процессов, происходивших в Поздней Римской империи, а также вследствие начавшегося с конца II в. расселения отдельных групп варварских народов, что, как известно, отличало дунайские области империи. Возраставшее значение общины в формировании раннефеодальных отношений и увеличивавшееся за счет поселения варваров сельское население провинций способствовали в то же время возникновению таких социально-экономических условий, которые составляли основу для так называемой «варваризации» Римской империи³. Некоторые историки уподобляют поселение варваров в дунайских провинциях второму потоку колонизации, начало которого они относят ко времени Антонинов⁴, когда после Маркоманнских войн на дунайских землях были размещены многочисленные группы варварских народов и в римские войска были включены отдельные варварские контингенты.

Эти особенности, отличавшие западные провинции и прежде всего — дунайские, позволяют рассматривать эти области как своего рода внутреннюю варварскую периферию в системе Римской империи. Роль этой внутренней варварской периферии оценивается, таким образом, как весьма существенная в процессе феодализации Поздней Римской империи, хотя прогрессирующее развитие раннефеодальных отношений могло иметь место только после ликвидации варварами отношений античных, рабовладельческих.

Тезис о внутренней варварской периферии в пределах Римской империи позволяет более полно раскрыть и то конкретное воздействие, которое оказывала местная этническая среда на историю каждой отдельной провинции. В тех западных провинциях, которые возникли на землях варварских государств, это взаимодействие во многом могло находить сходные проявления вследствие сходства этнической и социальной структуры. Так, много общего в этом отношении между Галлией и Британией, но вследствие активного влияния в Британии также внешней варварской периферии и соответственно неодинаковой степени социальной и культурной романизации этих провинций в истории Галлии и Британии были существенные различия. Как показывают исследования, даже в Галлии, которая считается одной из наиболее романизованных провинций с высоким уровнем городской жизни, существовало большое своеобразие в фор-

³ Ш та е р м а н, Древний Рим..., стр. 47—48.

⁴ О. В. К уд р я в ц е в, Исследования по истории Балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории, М., 1957, стр. 159, 204.

мах эксплуатации, в социальной структуре ⁵, в идеологии и культуре галло-римского общества ⁶.

В Британии же и на Дунае, где сходства, на мой взгляд, было еще больше, внутреннюю варварскую периферию в известной степени представляла и сама римская армия. Она не только комплектовалась из провинциалов, но и включала в себя немало воинских соединений, сформированных из пограничных с империей варварских народов. Так, границы Британии охраняли прежде всего германцы, затем галлы и даки ⁷. А после Маркоманских войн в Британии стояла и конница, сформированная из сарматов-языгов. Паннонские легионы, пришедшие с Септимием Севером в Рим, как известно, были варварами не только в глазах римской толпы, но и в глазах просвещенных сенаторов, каким был историк Дион Кассий, наместник Верхней Паннонии и Далмации при Александре Севере. А между тем в Британии и особенно на Дунае римская армия была существенным фактором в провинциальной жизни. Значение же дунайского войска в истории Римской империи, как известно, далеко выходило за границы этих провинций.

Таким образом, выяснение причин падения Западной Римской империи тесно связано с изучением конкретной истории западных провинций, отличительной особенностью которых было наличие в них общинного уклада хозяйства.

Следует отметить, что относительно наличия общины и общинного уклада в западных провинциях Римской империи существует и другое мнение. Придерживающиеся его историки считают частное землевладение и рабство несовместимыми с существованием крестьянской общины. Согласно этой точке зрения, римской деревне времени Ранней империи были присущи лишь отдельные элементы общинной организации. В западных провинциях свободная деревня не представляла собой доминирующего типа сельских поселений в IV—V в. Деревня оставалась элементом городской муниципальной организации и, как и паг, была территориальной единицей, подчиненной городской общине; земли жителей деревни принадлежали к городской территории. Черты деревенского устройства, которые позволяют считать деревню сельской общиной, были характерны лишь для восточных провинций. Как соседская организация крестьян, выполняющая определенные хозяйственные функции (совместное владение имуществом, коллективное пользование общинными угодьями), сельская община на римских землях возникает только с оседанием на них германцев, и само общинное хозяйство было присуще деревне германского типа ⁸. Развитие раннефеодальных отношений в Европе связывается,

⁵ Н. Н. Белова, О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв. (По эпиграфическим и археологическим данным), ВДИ, 1970, № 1, стр. 121—142; она же, Эпиграфические данные о характере труда в гончарном ремесле римской Галлии в I—II вв. н. э., ВДИ, 1967, № 1, стр. 79—95; она же, О землевладении в галло-римских городах в первые два века н. э. преимущественно по данным эпиграфики, в сб. «Античная древность и средние века», вып. 2, Свердловск, 1963, стр. 3—30; она же, О формировании элементов государственности и государственных учреждений у кельтов Галлии, «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», № 112, серия историческая, вып. 22, 1971.

⁶ Н. С. Широкова, Социально-политическая организация сословия друидов, в сб. «Из истории античного общества», вып. 1, Горький, 1975, стр. 64—82; она же, Рим и друиды, там же, вып. 2, Горький, 1979, стр. 86—94.

⁷ М. С. Садовская, Походы Цезаря в Британию, в сб. «Из истории античного общества», вып. 1, Горький, 1975, стр. 83—97; она же, Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии. (По данным эпиграфики), там же, стр. 98—115; она же, IX Испанский легион в Британии, там же, вып. 2, Горький, 1979, стр. 65—85.

⁸ А. Р. Корсунский, О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1977, № 2, стр. 43 слл.; она

таким образом, прежде всего с поселением на прежних римских землях варваров. Сам вопрос о характере позднеантичного общества — оставалось ли оно до конца чисто рабовладельческим или в его недрах зарождались элементы раннефеодальных отношений — является в советской исторической науке дискуссионным⁹.

В новейших исследованиях подчеркивается, что возросшее значение сельского населения в экономической жизни позднего Рима и изменение роли сельских рабов в процессе производства, когда в «IV в. после долгой эволюции такие рабы уже оказываются прикрепленными к земле в большей мере, чем к личности господина»¹⁰, оказывали влияние на характер классовой и социальной борьбы, главными участниками которой становятся уже не рабы, а разные категории сельского населения¹¹. Вследствие многоукладности и сложности социально-экономической структуры позднеимперского общества его отличало переплетение различных отношений и форм классовой борьбы. Происходившее расслоение сословий как неизбежный результат углубления кризиса рабовладельческого способа производства, приводило к превращению части рабов в свободных, а части свободных — в рабов, что создавало широкие возможности для сплочения низших слоев трудящихся и для выступления их против господствующих классов и римского государства. Так, выступления крестьян были направлены против закрепощавших их земельных магнатов и одновременно против центральной власти. Эти условия способствовали тому, что варвары, устанавливавшие новые порядки в захваченных ими областях, по существу оказывались союзниками низших трудящихся слоев римского населения. Именно совместные действия восставших крестьян, закрепощаемых колонов, рабов, варваров насильственно положили конец существованию римского государства, расчистив путь для развития феодальной собственности¹². Таким образом, роль варваров в падении Западной Римской империи рассматривается в связи со структурой позднеимперского сообщества и социальной борьбой этого периода, что позволяет дать, как кажется, более обоснованную и детальную трактовку всего вопроса в целом — о роли варваров в падении Западной Римской империи и об их союзе с беднейшими слоями населения¹³.

Выявление всестороннего значения внутренних факторов в гибели Западной Римской империи не означает в то же время утверждения о возможности эволюционного перехода от античности к средневековью. Невозможность такого пути была показана при исследовании истории эллинических

же. Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV—V вв.), ВДИ, 1980, № 2, стр. 52 слл.; он же, Образование раннефеодальных государств в Западной Европе, М., 1963.

⁹ См. А. Л. К а ц, Проблема падения Римской империи в советской историографии. (Из истории вопроса), ВДИ, 1967, № 2, стр. 212 слл.

¹⁰ Ш т а е р м а н, Древний Рим..., стр. 182.

¹¹ Там же, стр. 182—184; Ш т а е р м а н, Община в западных провинциях..., стр. 207, 223—224.

¹² Е. М. Ш т а е р м а н, М. К. Т р о ф и м о в а, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. Италия, М., 1971, стр. 315—316.

¹³ Было высказано мнение и о негативной роли варваров в происходивших в период Поздней империи исторических событиях, т. е. о том, что на борьбу с варварами поднялись широкие народные массы Римской империи, а «господствующий класс предпочитал варварское вторжение социальной опасности» (В. Т. С и р о т е н к о, Борьба народных масс против варваров в IV—V вв., «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», Пермь, 1966, т. 143; он же, Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в., ч. 1, Пермь, 1973; он же, История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в., Пермь, 1975). Это мнение не встретило одобрения у специалистов как надуманное и не аргументированное — см. Е. В. Г у т н о в а, Советская медиевистика за 10 лет (1968—1977), «Средние века», вып. 42, М., 1978.

провинций Балканского полуострова с их высоко развитым рабством¹⁴ и при изучении рабовладельческого общества Италии¹⁵.

Выявление причин падения Западной римской империи и прежде всего факторов социально-экономического характера позволило дать более глубокое представление о социальной структуре позднеимперского общества и о тех путях, которыми могло проходить становление раннефеодальных отношений в завоеванных варварами римских провинциях, и, следовательно, более всесторонне оценить роль самих варваров в процессе феодализации Римской империи.

Отношения и конкретные связи римского провинциального общества с соседним варварским миром рассматриваются при изучении истории отдельных провинций. Поскольку конкретная история многих западных провинций представляет собой в сущности этапы социальной и культурной романизации внутренней варварской периферии, то последние работы по истории провинций отличает стремление выявить специфику каждой провинции, которая, как известно, чаще всего обнаруживается в том взаимодействии и взаимопроникновении римских и доримских институтов и в том синтезе, который возникал в результате этого взаимодействия во всех сферах провинциальной жизни.

Исследуется история Галлии, Британии, дунайских провинций, поздней римской Африки, вестготской Испании, т. е. тех областей империи, где контакты варварского мира и римского были многосторонними и постоянными. Несомненно, своеобразие развития этих провинций в немалой степени зависело от доримского наследия в этих областях. Это своеобразие каждой области римского мира сказалось и тогда, когда они были заняты варварами и в них начали складываться раннефеодальные отношения. Для различных провинций можно по-разному говорить и о преемственности римских традиций, и о континуитете римских городов и провинциального населения. В работах по истории Африки и Испании отмечается, что и в готской Испании и в вандальской Африке разложение рабовладельческой системы и формирование раннефеодальных отношений происходило при прямом участии варваров, но там и здесь сохранялось рабство и возросло значение крупного землевладения, причем известно, что варвары нередко вступали в союз с крупными римскими земельными магнатами. Но если в завоеванной вандалами Африке варвары разрушали города и более всего пострадало население городов, а муниципальное землевладение фактически прекратило свое существование¹⁶, то в вестготской Испании продолжала сохраняться позднеимперская городская организация с куриями и муниципальным устройством¹⁷. Формирующийся класс зависимого крестьянства в Испании включал в себя разорявшихся свобод-

¹⁴ О. В. Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954.

¹⁵ Штаерман, Трофимова, ук. соч. В последние годы исследованию социально-экономической структуры римского общества времени империи был посвящен ряд работ: М. Е. Сергеев, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М.—Л., 1958; В. И. Кузищев, Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.—I в. н. э., М., 1966; он же, Римское рабовладельческое поместье, М., 1973; он же, Генезис рабовладельческих латифундий в Италии, М., 1976; Е. С. Голубцова, Сельская община Малой Азии, М., 1972; E. S. Golubtsova, V. I. Kishishin, E. M. Staerman, Types of Community in the Ancient World, San Francisco, 1975; Ю. К. Колосовская, Паннония в I—III веках, М., 1973; И. С. Свенцицкая, Аграрные отношения в Малой Азии в IV в. до н. э.—III в. н. э., Автореф. докт. дисс., М., 1973; И. Ф. Фихман, Египет на рубеже двух эпох, М., 1965; он же, Оксиринх — город папирусов, М., 1976; А. И. Павловская, Египетская хора IV века нашей эры, М., 1979.

¹⁶ Г. Г. Диллигенский, Северная Африка в IV—V веках, М., 1961.

¹⁷ А. Р. Корсунский, Готская Испания, М., 1969.

ных германских общинников, испано-римских крестьян, прежних римских рабов, вольноотпущенников и колонов¹⁸.

В дунайских же провинциях, которые по ряду признаков рассматриваются как единый комплекс в системе Римской империи¹⁹, поселение варварских племен происходило, вероятнее всего, в форме организации типа сельской общины сначала на государственных, а затем и на частных землях. В известной мере это воссоздавало отношения доримского периода и оказывало непосредственное воздействие на изменение форм собственности и способа эксплуатации²⁰. Значение внешнего фактора, т. е. варваров, в коренном изменении социальной структуры позднеимперского общества на Дунае особенно очевидно. В то же время по отношению к занявшим в V в. дунайские провинции варварским племенам позднеимперское население выступало преемником и носителем античных культурных традиций и производственных навыков, когда римские формы политической и военной организации были уже разрушены варварами. Можно полагать, что и сам город на Дунае продолжал в известной мере сохранять свое значение центра ремесла и торговли даже тогда, когда провинция фактически могла находиться под властью варваров, как *Noricum Ripense* во второй половине V в. под властью ругов²¹.

Изучаются и сами войны и их значение в исторических судьбах Римской империи. Военные конфликты рассматриваются как явление закономерное и для римского рабовладельческого мира и для варварского мира первобытнообщинных отношений. И у римлян, и у варваров военные столкновения определялись причинами социально-экономического характера.

Наибольшее внимание уделяется военным конфликтам на Дунае. В специальных исследованиях²² подчеркивается большая военно-стратегическая значимость дунайского региона империи — на стыке римского мира и варварского — и сравнительно высокий уровень развития придунайских племен вследствие их близости к границам Рима, что способствовало тому, что отношения римлян и варваров здесь приняли особенно разносторонний характер. В связи с войнами исследуется и сама история

¹⁸ Там же, стр. 16 слл.

¹⁹ Кудрявцев, Исследования по истории Балкано-дунайских областей..., стр. 147 слл.; Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова, Ю. К. Колосовская, Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977, стр. 120 слл.

²⁰ Кудрявцев, Исследования по истории Балкано-дунайских областей..., стр. 204; Колосовская, Паннония в I—III веках, стр. 163—164, 178.

²¹ Ю. К. Колосовская, Commemoratorium Евгиппия как источник по истории позднеантичного города, ВДИ, 1977, № 1, стр. 145—160. Этому же вопросу была посвящена статья Н. Thaller, Die Städte der Vita S. Severini im Donauraum, «Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte. Festschrift für R. Egger», II. Klagenfurt, 1953, стр. 315—321.

²² А. М. Ременников, Историческая роль племен Подунавья в падении Римской империи, Автореф. докт. дисс., М., 1970; он же, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке, М., 1954; он же, Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350—370 гг. н. э., ВДИ, 1960, № 3; он же, К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV в., «Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та», Казань, 1957, вып. 12; он же, Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в., СА, 1958, т. 28; он же, Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов, ВДИ, 1967, № 1; он же, Военное искусство племен Подунавья в эпоху войн с Римской империей (IV в. н. э.), ВДИ, 1970, № 2; см. также Кудрявцев, Исследования по истории Балкано-дунайских областей...; Р. А. Елипашева-Стручалина, Борьба придунайских племен с Римом во второй половине II в. н. э., Автореф. канд. дисс., М., 1956; С. А. Беляев, К пониманию СИЛ, VIII, 619, ВДИ, 1968, № 4; Т. Т. Вольштейн, Маркоманские войны и вопрос о создании новых римских провинций на Среднем Дунае во II в. н. э., «Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Серия истор. наук», вып. 69, Уфа, 1973.

придунайских племен, главным образом сарматов и готов. Хотя придунайские племена не образовывали единого племенного союза и их объединение носило локальный характер, но более или менее длительное существование локальных союзов (под главенством сарматов, карпов, готов) было важнейшей предпосылкой объединения сил варваров против Рима в войнах IV—V вв.

Сделана попытка выделить этапы в борьбе римлян и варваров на Дунае в III—IV вв.: первый период охватывает столетие (230—330 гг.) и связан в целом с кризисом империи III в.; второй, решающий период, начался после 340 г. и длился он до нашествия гуннов. Большое значение придается самой длительности периода войн на Дунае, которые составили целую историческую эпоху: войны оттягивали на дунайский фронт лучшие войска Римской империи, ослабляли ее материальные ресурсы, способствовали обострению экономических трудностей Рима и в конечном итоге привели к расчленению империи, которое началось оставлением Дакии римлянами.

Среди коалиций племен, нападавших на Римскую империю в III в., можно говорить и о союзах северопричерноморских племен, суммарно определяемых в свидетельствах древних авторов III—V вв. как «скифы»²³. Не исключено, что среди них были и славянские племена, у которых могли существовать прямые контакты с гето-дакийскими, сарматскими и германскими племенами²⁴.

В исследованиях по истории войн отмечается также, что военные и другие контакты римлян и варваров ускорили общественное развитие варварских народов и способствовали формированию у них государства. Однако сама эффективность римского влияния на варваров не всегда была одинаковой, но всегда зависела от ряда причин и прежде всего — от уровня общественного развития самих племен и от характера их контактов с Римом, т. е. от того, были ли эти контакты только военными или же сопровождалась торговыми и культурно-идеологическими связями. Воздействие римского рабовладельческого строя на разложение первобытнообщинных отношений у племен стало менее эффективным, когда в римском рабстве вследствие кризиса рабовладельческого способа производ-

²³ Следует заметить, что в изучении истории племен Северного Причерноморья советская историческая наука продолжает традиции русской исторической науки, которая всегда уделяла большое внимание истории этих племен и их месту в греко-римской античности. В этой связи можно упомянуть о вышедших в недавнем прошлом монографиях под редакцией В. Н. Дьякова, объединенных в серию — «Причерноморье в античную эпоху». Начало серии этих монографий положила работа самого В. Н. Дьякова «Таврика в эпоху римской оккупации», «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, М., 1942. Затем последовал ряд работ этой серии, посвященных истории некоторых дунайских провинций, истории войн римлян с племенами Северного Причерноморья в III веке, истории Боспорского царства, его отношениям с Римом и нижнедунайскими провинциями: Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951; Т. Д. Златковский, Мезия в I—II веках нашей эры, М., 1951; Т. В. Блаватская, Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры, М., 1952; она же, Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до нашей эры, М., 1959; В. П. Невская, Византий в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953; В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953; он же, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954; Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке; И. Т. Кругликов, Дакия в эпоху римской оккупации, М., 1955.

²⁴ Кудрявцев, Эллинические провинции Балканского полуострова..., стр. 262—264; он же, Исследования по истории Балкано-дунайских областей..., стр. 11 сл.; М. Ю. Брайтчевский, Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської Імперії III—IV ст. н. е., «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 45—55; он же, О распространении римских монет у древних восточных славян, ВДИ, 1954, № 1.

ства в III в. произошли существенные перемены и началась постепенная эволюция его в сторону колоната. Этот процесс оказывал влияние и на характер рабовладения у варварских племен, когда, минуя развитое рабство, они могли вступать на путь формирования раннефеодальных отношений²⁵.

Внимание и историков и археологов привлекает также вопрос о влиянии Рима и на более отдаленные от границ империи племена и государства. Из множества соответствующих работ упомяну только некоторые монографические исследования²⁶.

В связи с историей войн римлян с варварами затронут вопрос об источниках пополнения числа рабов в Риме. В недавних исследованиях по истории рабства в римских провинциях показано многообразие источников рабства как при республике, так и при империи²⁷. Значение внешних войн в этом отношении не было одинаковым для всех периодов римской истории. Наибольшее значение этот источник рабства имел в ранний период истории Рима²⁸. При империи, как известно, сократился приток пленных, но не это, как полагают, повлияло на рабовладельческий способ производства, а то, что вследствие изменения внешней политики Рима иссякло поступление материальных ценностей, за счет которых было возможно расширение и усовершенствование рабовладельческого хозяйства²⁹. В то же время приходится учитывать тот несомненный факт, что война в древности вследствие сокращения или полного прекращения торговых связей всегда ощутимо сказывалась и на притоке рабов, и на перераспределении материальных ценностей вообще как в римском обществе, так и в варварской среде, хотя военная добыча могла компенсировать для варваров разрыв их торговых связей с Римом. В этом отношении и для римлян война, вследствие захвата пленных, всегда сохраняла свое большое значение источника рабства и может быть роль этого источника даже возросла в период поздней античности³⁰.

Проблема «Рим и варвары» рассматривается также и в историко-этнографическом плане на материале описания варварских народов в свидетельствах древних авторов³¹.

²⁵ Ш та е р м а н, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях..., стр. 50; она же, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1964, стр. 226 слл.

²⁶ Например, В. В. К р о п о т к и н, Клады римских монет на территории СССР, САИ ГЧ-4, М., 1964; он же, Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры, М., 1967; он же, Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.), САИ, Д-1-27, М., 1970; В. Д. Б л а в а т с к и й, Пантикапей, М., 1964; М. И. М а к с и м о в а, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М. — Л., 1956; И. Т. К р у г л и к о в а, Боспор в позднеантичное время, М., 1966; М. П. И н а д з е, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968; Д. Б. Ш е л о в, Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, М., 1972; Э. А. Р и к м а н, Этническая история племен Поднепровья и прилегающего Подунавья в первой половине I тысячелетия нашей эры, М., 1975.

²⁷ Е. М. Ш та е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964; Ш та е р м а н, Т р о ф и м о в а, ук. соч.; Л. П. М а р и н о в и ч, Е. С. Г о л у б ц о в а, И. Ш. Ш и ф м а н, А. И. П а в л о в с к а я, Рабство в восточных провинциях Римской империи, М., 1977; Ш та е р м а н и др., Рабство в западных провинциях Римской империи...

²⁸ Ш та е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 36 слл.; Ш та е р м а н, Т р о ф и м о в а, ук. соч., стр. 24, 299—300.

²⁹ Ш та е р м а н, Т р о ф и м о в а, ук. соч., стр. 299—300.

³⁰ К о л о с о в с к а я, Паннония в I—III веках, стр. 107, 178; она же, в кн. Ш та е р м а н и др., Рабство в западных провинциях Римской империи..., стр. 169 слл.

³¹ Например, О. В. К у д р я в ц е в, Костобоки, их расселение и этническая принадлежность, в его кн. «Исследования по истории Балкано-дунайских областей...», стр. 11—100; А. В. П о д о с и н о в, Скифы, сарматы и геты в Tristia и Epistulae ex Ponto Овидия, «Древнерусские государства на территории СССР. Материалы и иссле-

Большое место проблема «Рим и варвары» занимает в археологических исследованиях. Из множества работ этой тематики остановлюсь только на тех, которые имеют прямое отношение к истории римского лимеса³². Недавние раскопки на левом берегу Дуная у села Орловки Одесской области (ранее село Картал), на той территории, которая в древности была сопредельной с Римской империей, но не входила в ее состав, обнаружили римскую крепость. Здесь был размещен римский гарнизон (*vexillatio legio I Italica*) и была стоянка *classis Flavia Moesica*³³. Римская крепость у села Орловки располагалась напротив крупной правобережной крепости Нижней Мезии — Новиодуна (ныне Исакча), где также была стоянка дунайского флота и где, как известно, летом 369 г. римская армия во главе с императором Валентом перешла Дунай и выступила против готов. Расположение крепости у села Орловки, в наиболее удобном для переправы месте, свидетельствует, что крепость была предместным укреплением, местом причала и высадки римских войск, отправлявшихся в тыл к варварам. Она контролировала дорогу от Дуная в глубь варварских земель и прикрывала с севера Новиодун. Крепость была построена на мысе, образованном левым, основным берегом Дуная и озером Кагул. С трех сторон она была защищена рекой, а с восточной стороны — рвом. От юго-восточной границы Дакии крепость отстояла на 125 км и, следовательно, имела большее значение для обороны Нижней Мезии, чем Дакии. Этой римской крепости на варварском берегу Дуная предназначалась, вероятно, та же роль опорного пункта и форпоста римлян, которую играли римские крепости в областях квадов и маркоманнов напротив лимеса Паннонии, построенные в период Маркоманнских войн. Крепость у села Орловки подтверждает единообразие системы римского лимеса на всем Дунае, когда наиболее значительные римские крепости и стоянки дунайского флота правого берега реки (на Среднем Дунае это были обычно легионные крепости) имели предместные укрепления на левом берегу.

дования», М., 1976, стр. 24—40; Н. В. В у л и х, «Тристин» и «Послания с Понта» Овидия как исторический источник, ВДИ, 1974, № 1, стр. 64, слл.; Н. И. Л ь в о в, Борьба за единство Римской империи и за преобладание Рима в произведениях Клавдия Клавдиана, ВДИ, 1958, № 3, стр. 156—165; В. С. С о к о л о в, Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии, ВДИ, 1959, № 4; В. Д. Н е р о н о в а, Аммиан Марцеллин о варварах, «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», Пермь, 1966.

³² В настоящем сообщении я не имею возможности остановиться на соответствующих исследованиях по истории Херсонеса и Ольвии в римский период, поэтому ограничусь лишь упоминанием некоторых работ. Как известно, и в Ольвии, и в Херсонесе стояли римские гарнизоны, и римский флот курсировал на Черном море, хотя ни Херсонес, ни Ольвия формально не находились под римской властью. Значение этих городов для нижнедунайского лимеса и обороны Империи на северо-востоке всегда учитывалось Римом. См., например, следующие работы: В. И. Д ь я к о в, Таврика в эпоху римской оккупации; В. Д. Б л а в а т с к и й, Харакс, МИА, 19, 1951; Г. Д. Б е л о в, Херсонес Таврический, Л., 1948; он же, Херсонес-Корсунь, Л., 1969; Е. Г. С у р о в, Херсонес Таврический, Свердловск, 1964; В. В. Б о р и с о в а, Черепица с клеймами римских легионов, СХМ, II, 1964; Э. И. С о л о м о н и к, О римском флоте в Херсонесе, ВДИ, 1966, № 2; она же, Алтарь Немезиды из Херсонеса, ВДИ, 1960, № 2; В. И. К а д е е в, Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э., ВДИ, 1979, № 2; он же, Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э., Харьков, 1970; П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Из истории поздней Ольвии, ВДИ, 1968, № 1.

³³ Р. А. Б о н д а р ь, Археологические исследования городища у села Орловка в 1963—1967 гг., «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», вып. 3, Киев, 1971; она же, Некоторые проблемы истории Нижнедунайского лимеса, ВДИ, 1973, № 3, стр. 144; она же, Раскопки Орловского городища, «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, стр. 260 сл.; И. Д. Г о л о в к о, Р. Д. Б о н д а р ь, А. Г. З а г и н а й л о, Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области, КСОГАМ за 1963 г., стр. 68 слл.

Как показывают раскопки, крепость погибла в пожаре в середине III в. и не была восстановлена. Само поселение у села Орловки было обитаемо задолго до римлян: отсюда происходят предметы позднескифского стиля и фрагменты родосской керамики IV—III вв. до н. э., что указывает на раннее торговое значение этого пункта. Еще в прошлом веке здесь были найдены фрагментарные латинские надписи и плита с изображением сцен охоты, Аполлона и Дианы³⁴.

В систему Нижнедунайского лимеса входила и Тира (ныне Белгород-Днестровский). Из всех крупных городов Северного Причерноморья Тира наименее изучена. Это связано с почти полным отсутствием сведений о ней в письменной традиции и с тем обстоятельством, что город непрерывно существовал на одном и том же месте вплоть до наших дней. Это привело к большому смещению культурных напластований и затрудняет археологическое исследование³⁵, которое, тем не менее, ведется, хотя и с перерывами, уже 70 лет; систематические раскопки Тире начались лишь в 1963 г. и дали много существенного для ее истории. В Тире открыто три участка оборонительной стены, датируемые не позднее начала II в., но, возможно, и концом I в. На раскрытой площади римской крепости было не менее четырех башен (диаметр обнаруженной башни — 11,75 м); в северо-западном углу крепости находилось здание *vexillatio legio I Italica*, датируемое концом II — серединой III в. Найдена черепица с клеймами *legio I Italica*, *legio V Macedonica*, *legio XI Claudia*. Сама крепость была построена в первой половине II в., но, возможно, и раньше. Установлена архитектурная связь крепости и квартала города. Открыты Первая и Вторая продольные улицы, Первая поперечная улица, жилой дом послеготского периода, красноглиняные широкогорлые амфоры II—III вв., множество римских монет того же времени и монет чеканки самого города Тире. Из 126 найденных к настоящему времени античных монет большинство принадлежит времени Августа — Адриана, затем Антонина Пия, Коммода и династии Северов. Расцвет собственной монетной чеканки города приходится на время Северов. Монеты Северов продолжают поступать в Тире и в период кризиса III в. В правление Траяна Тира несомненно входила в состав провинции Нижней Мезии, так как пребывание римского гарнизона в Тире документально засвидетельствовано с конца правления Траяна. Не исключено, однако, что гарнизон стоял в Тире уже при Домициане, когда, судя по монетам города, Тира была подчинена Римской империи³⁶. В самой крепости среди находок монет преобладают монеты Домициана; встречены и монеты Клавдия³⁷. Город был основательно разрушен при вторжении готов, вероятно, в 238 г., но находки монет Филиппа Араба, Галлиена, Валериана, Диоклетиана и Клавдия Готского, раскопки жилого дома конца III — начала IV в., находки амфор III—IV вв. свидетельствуют, что связи Тире с римским миром не пре-

³⁴ Н. Мурзакевич, Открытие древностей близ селения Каргал, ЗООИД, I, 1844, стр. 627 слл.

³⁵ И. Б. Клейман, К стратиграфии напластований римского времени в Тире, МАСП, вып. 8, Киев, 1976, стр. 109 слл.; он же, Раскопки помещения vexillationis I Итальянского легиона в Тире, МАСП, вып. 7, Одесса, 1971, стр. 229 слл.; И. Б. Клейман, А. А. Кравченко, В. Н. Корпусова, Раскопки Белгород-Тирской экспедиции, «Археологические открытия 1973 г.», М., 1974, стр. 285; С. Д. Крижичкий, И. Б. Клейман, Житловий будинок і укріплення Тіри перших століт нашої ери, «Археологія», Київ, т. 25, 1978, стр. 83 слл.

³⁶ П. О. Карышковский, Из истории Тире в I—II вв. н. э., МАСП, вып. 7, Одесса, 1974, стр. 149 слл.; см. также А. И. Фурманская, Античный город Тира, сб. «Античный город», М., 1963, стр. 47 слл.

³⁷ П. О. Карышковский, Античные монеты из раскопок Тире, в сб. Античная Тира и средневековый Белгород, Киев, 1979, стр. 88—98.

кратились и в городе возобновилась жизнь после нашествия готов³⁸. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Тира продолжала сохранять свое торговое значение и прежде всего для самих варваров в их торговых связях с римскими провинциями. Вероятно, Тира не утратила полностью и своего военного значения для Рима, так как после середины III в. были частично восстановлены ее оборонительные сооружения. Раскопками обнаружен также достаточно мощный слой послеготского периода Тиры.

О наличии в римский период системы обороны, сходной с лимесом, можно говорить и для Кавказского побережья Черного моря. Изучение остатков сохранившихся здесь укреплений указывает на существование римской военной системы защиты Побережья³⁹. Самой значительной была крепость Ансар (у совр. села Гонио), сохранившаяся до сих пор на высоте 1—2 м от дневной поверхности. В плане крепость представляет собой прямоугольник размером 194 × 245 м; ее общая площадь составляла 4,7 га. В крепости стоял римский гарнизон из пяти когорт. Крепость имела 18 башен (из них четыре угловых) и четверо ворот; porta praetoria крепости фланкировались с обеих сторон прямоугольными в плане башнями. Ансарская крепость имела три строительных периода, что указывает на длительное существование крепости и ее большое значение для обороны северовосточных границ империи. Относительно другой крепости «Понтийского лимеса» — Себастополя (ныне Сухуми), основанного на месте Диоскуриады, давней колонии Милета, известно, что здесь на рубеже IV—V вв. стояла *cohors I Claudia equitata*. На окраине гор. Сухуми была открыта также римская сторожевая башня и монеты Коммода и Септимия Севера. В Питиунте (ныне с. Бичвинта) с конца IV в. какое-то время стояла *ala Felix Theodosiana*. Веерообразные башни по углам крепости датируют ее восстановительный период временем Константина. Все крепости имели прямоугольную планировку.

В крепостях Питиунта и Фасиса (ныне Поти) прослеживаются канабы, что свидетельствует о длительности пребывания в этих крепостях римских войск и о стабильности поселившегося вблизи них гражданского населения. Как показывают археологические исследования канаб на Рейне и на Дунае, канабы имели почти что городской характер и в смысле своей планировки и застройки, и в стиле общественной жизни. В распоряжении канаб находилась и какая-то часть подконтрольной легиону земельной территории. Их население часто было не меньшим, чем соседних муниципиев. В правление Северов наиболее значительные из дунайских канаб, как Апул в Дакии или Бригецион в Паннонии, получили статус колоний. Наличие канаб в Питиунте и Фасисе свидетельствует о вероятной общественной и хозяйственной жизни в этих лагерных поселках.

Сооружение восточнопонтийских крепостей связывают с организацией провинции Каппадокии. В их реконструкции и увеличении числа крепостей (самой северной была Бата, или Бага, предположительно в районе совр. Новороссийска) большое значение имела деятельность Арриана, наместника Каппадокии при Адриане, в частности его инспекционная поездка в Понт. Гарнизоны крепостей, вероятно всего, составляли вексил-

³⁸ О н же, Находки поздне римских и византийских монет в Одесской области, МАСП, вып. 7, Одесса, 1971, стр. 278 слл.

³⁹ В. А. Леквинадзе, Понтийский лимес, ВДИ, 1969, № 2, стр. 75 слл.; о н же, Оборонительные сооружения Себастополя, СА, 1966, № 1, стр. 203 слл.; о н же, Материалы по истории и архитектуре Ансарской крепости, «Византийский временник», т. XX, 1960, стр. 225—242; о н же, О некоторых сооружениях древнего Питиунта, КСИА, вып. 113, 1968, стр. 53—58; о н же, По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье, «Сообщения АН ГрузССР», XL, 1, 1965, стр. 247—252. См. также М. П. И н а д з е, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, стр. 277 слл.

ляции, откомандированные из легионов Каппадокии — XII Fulminata и XV Apollinaris. Из Цихидзири (ГрузССР) известен римский кирпич с клеймом VEXFA, читаемым как vex(illationes legionis XII) F(ulminatae et XV) A(pollinaris)⁴⁰. Фронт крепостей был обращен к морю. Они должны были защищать плавающих по Понту и преграждать доступ к морю местным воинственным племенам, поддерживая зависимость племен от Рима. Крепости могли быть также местами высадки римских армий и причалами для судов.

Большое военностратегическое значение Восточного Понта и, в частности, этих крепостей для Рима подтверждается тем, что крепости эти были затем унаследованы Византией. Византийцы построили здесь при Юстиниане новые крепости и перестроили часть старых римских крепостей, которые теперь уже для Византии играли роль опорных пунктов в связи с укреплением государства лазов в Западной Грузии и вследствие давления Персии на восточные границы Византийской империи⁴¹.

Таковы некоторые аспекты проблемы «Рим и варвары», исследуемые в советской исторической науке, а также некоторые точки зрения и возможные пути подхода к решению этой общезначимой для всей античности проблемы. По-видимому, можно считать, что работы советских историков последних десятилетий отличает комплексный подход к изучению конкретных взаимоотношений римлян и варваров и всей проблемы в целом. Этот путь открывает, как кажется, дальнейшие перспективы для выявления многообразной роли варваров в общем ходе исторического развития как самой Римской империи, так и тех ее областей, где с поселением варваров возникли первые варварские королевства. Закономерность различных контактов римлян и варваров, и в том числе военных столкновений, обусловленная причинами социально-экономического характера, свидетельствует в то же время о взаимообусловленности и взаимосвязанности развития варварского мира и античного мира вообще. Поэтому и та роль, которую сыграли варвары в падении Западной Римской империи, была в конечном итоге закономерной и одновременно прогрессивной, поскольку варвары расчистили путь для развития феодальных отношений в Европе. В этом отношении особенно важно изучение истории Поздней империи, которая была еще теснее связана с варварской периферией, чем история Ранней империи. Помимо значительных варварских включений на римских землях в IV—V вв., набора воинских контингентов у внеимперских народов, об этом свидетельствует также сложившаяся в IV в. система договорных отношений между Римом и варварами, когда по отношению к Риму варвары занимали положение уже не его клиентов, но союзников, федератов. Эти внешние факторы также активно воздействовали на изменение социально-экономической структуры Поздней империи.

Тезис о том, что западные провинции представляли в системе Римской империи своеобразную внутреннюю варварскую периферию, с которой преимущественно был связан общинный уклад хозяйства, дает возможность несколько по-иному подойти и к вопросу о романизации этих областей. Дальнейшее изучение дунайского региона — этого своеобразного социально-экономического целого в системе Римской империи — может прояснить причины того явления, почему по мере упадка городов и рабства во всех сферах жизни Позднего Рима возрастает значение тех областей империи, которые отнюдь не принадлежали к ее наиболее романизованным районам и где было значительным местное сельское население. В этом от-

⁴⁰ В. А. Л е к в и н а д з е, Римский кирпич со штампом из Цихидзири, «Сообщения АН ГрузССР», XIV, № 3, 1967, стр. 797 слл.

⁴¹ О н ж е, О постройках Юстиниана в Западной Грузии, «Византийский временник», т. 34, 1973, стр. 169—186.

ношении исследование доримских структур у племен, вошедших в состав римского государства,— существовали ли эти структуры в виде сельской общины или крупных земельных владений племенных царьков и знати,— может ретроспективно пролить свет и на характер социальной организации у пограничных с Римом варварских народов, поскольку они находились примерно на той же стадии развития, что и включенные некогда в состав Римской империи племена кельтов, фракийцев, иллирийцев. Само устройство римского лимеса, обнаруживающее единообразие и в тех областях, которые, вероятнее всего, находились под протекторатом Рима или в вассальной зависимости, но не входили в состав римской державы, указывает на возможное сходство в положении племен левобережья Нижнего Дуная и Восточного Понта и племен левого берега Среднего Дуная, относительно которых известно (как, например, для квадов, маркоманнов и языгов), что они находились в клиентских отношениях с Римом. Такая форма внешнеполитических отношений римлян и варваров, как наличие у границ Римской империи некоей безопасной зоны в виде системы буферных государств, была, оказывается, неизбежной на определенном этапе развития как Рима, так и варваров, а сам лимес представлял собою и здесь, как на имперских землях, многофункциональную систему в отношениях римлян и варваров. Значение лимеса как зоны внешнеполитических, торговых, культурных и идеологических контактов римлян и варваров нуждается, однако, в дальнейшем исследовании с привлечением данных о лимесе на Рейне и в Британии. Это тем более необходимо, что в разные периоды римской истории на первый план выступало то одно, то другое значение лимеса в многосторонних связях римского мира и варварского.

Ю. К. Колосовская

TREATMENT OF THE TOPIC «ROME AND THE BARBARIANS»
IN SOVIET HISTORIOGRAPHY ON ANTIQUITY IN RECENT DECADES

Yu. K. Kolosovskaya

In recent years the work of Soviet historians on this subject has been marked by complexity of approach. Research has been done on several aspects of the problem: the part played by barbarians in bringing about the fall of the Western Roman Empire; the specific character of relations between Romans and barbarians in the provinces; the wars between them on the Danube; the barbarian periphery as a source for maintaining the numbers of slaves in Rome; problems relating to the history of the *limes*. In treating the causes of the fall of the Western Empire Soviet historians generally start from the premiss that it resulted from the interaction of two factors: internally, changes in the social structure of the Late Empire caused by the breakdown of the slave mode of production in the 3rd century, from without barbarian incursions and the consequences of their settling on Roman land. Some historians give more weight to internal factors and seek to solve the problem by concentrating on study of the structure of late Roman society without, however, denying that the barbarians had some part in bringing about both the disruption of the state military and political organisation and the formation of early feudal relations in the conquered provinces. According to another view, the development of early feudal relations in Europe was primarily the result of barbarian settlement on formerly Roman land. Study of the larger problem is closely tied in with study of the particular histories of the Western provinces. A distinctive feature of some Western provinces was the presence in them of a rather large local agrarian population associated with a communal-type economy, while in the same provinces large landownership, having little or hardly any connections with the towns, was growing in importance. This situation suggests that some provinces may be regarded as a sort of internal barbarian periphery of the empire. The question as to the character of late ancient society — i.e. did it remain a purely slave society to the end or had it already embraced elements of early feudal relations — is still under discussion by Soviet historians.